

UNITED WISDOM

Витгенштейн: когда философский вопрос возникает из языка

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-19-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Витгенштейн: когда философский вопрос возникает из языка

Представим условный разговор. Один человек говорит: «Ты меня не понимаешь». Другой отвечает: «Я прекрасно понял каждое слово». Первый хочет, чтобы его переживание признали серьёзным. Второй сообщает, что способен пересказать содержание. Они используют одно слово, но совершают разные действия. После нескольких повторений вопрос становится почти философским: что вообще значит понимать другого человека?

На него можно отвечать большой теорией сознания. Но можно сначала выяснить, что происходит с выражением «понимать» именно здесь. Людвиг Витгенштейн предлагает такой поворот внимания: не спешить искать скрытый предмет за знакомым словом, а рассмотреть способы его употребления. Иногда трудность сохраняется. Иногда выясняется, что спор был организован вопросом, который незаметно соединял несколько разных задач.

О чём эта статья

Эта статья посвящена позднему Витгенштейну и его способу замечать философские затруднения в работе языка. Мы рассмотрим значение как употребление, языковые игры, семейное сходство и проблему следования правилу. Затем обсудим, почему аргумент о приватном языке не отменяет личного опыта и почему возвращение к обычной речи не означает запрета на науку или сложную мысль.

Наши современные сцены будут условными примерами, а не случаями из жизни философа. Их задача — показать различие между прояснением слов и решением самой ситуации. Уточнить слово «уважение» ещё не значит добиться уважительного обращения. Разобраться со словом «свобода» ещё не значит изменить ограничивающие условия. Но более точный вопрос иногда позволяет увидеть, о чём участники действительно не согласны. Мы будем сохранять эту границу и избегать соблазна объявить любую трудность языковым недоразумением.

1. Почему знакомое слово может стать ловушкой

Знакомость выражения не гарантирует ясности вопроса, который мы с его помощью задаём. В быту слова входят в конкретные действия. В философском рассуждении их иногда извлекают из этих действий и требуют обнаружить то единственное, что они якобы всегда обозначают.

@andrey.zarinsh @ilkutki

В начале «Философских исследований», §§1–2, 11, 23 Витгенштейн рассматривает ограниченность картины языка как набора имён вещей. Его примеры показывают разнообразие работы слов: назвать предмет, попросить, сообщить, предположить, поблагодарить — разные способы участия в деятельности. Называние важно, но не исчерпывает язык.

Возьмём собственный пример: «Я обещаю». Можно спросить, какой предмет обозначает слово «обещаю». Однако обещание важно не только как сообщение о внутреннем состоянии. Оно изменяет ожидания между участниками. Условное «я обещаю» на театральной сцене, в подписанном соглашении и в разговоре с другом не создаёт тождественных обязательств.

Это не доказывает, что у слова нет значения. Напротив, значение становится понятнее через различия ситуации: кто говорит, кому, в каком действии и по каким правилам сказанное принимается. Если вырвать слово из этих отношений, возникает соблазн придумать невидимый объект — «обещание само по себе», который затем должен объяснить все случаи.

Наше рассуждение не предлагает отказаться от общих понятий. Оно предлагает проверить, что именно от них ожидается. Вопрос «что такое обещание?» может означать просьбу объяснить слово, определить юридический критерий, оценить моральный долг или исследовать переживание обязательства. Пока задачи не разделены, любой ответ способен казаться одновременно верным и недостаточным. Иногда непрояснённость находится в вопросе, а не в таинственной глубине его предмета.

2. Значение как употребление — с существенной оговоркой

В §43 «Философских исследований» Витгенштейн связывает значение слова с его употреблением для большого класса случаев и прямо сохраняет оговорку: это относится не ко всем употреблениям слова «значение». Известную формулу легко превратить в абсолютный лозунг и потерять осторожность самого текста.

Рассмотрим условное слово «готово». Автор отчёта говорит его после завершения черновика. Редактор — после проверки. Клиент — после принятия результата. В каждом случае выражение может употребляться нормально. Проблема возникает, если участники предполагают одинаковый критерий окончания, хотя не договорились о нём.

Как проверить смысл? Можно попросить показать, какое действие допустимо после «готово». Переслать коллегам? Оплатить? Начать использование? Публично разместить? Такая проверка обнаруживает последствия употребления и помогает сделать критерий явным. Это наш современный пример; философ не обсуждал эти редакционные стадии.

Здесь важно отличать значение от личного желания. Один участник может хотеть, чтобы «готово» означало полную приёмку, но это ещё не устанавливает общего правила. Также значение не сводится к статистике частых употреблений. Если многие сотрудники привычно говорят «проверено» после беглого просмотра, сам по себе обычай не делает их вывод достоверным.

Внимание к употреблению поэтому совместимо с критикой практики. Мы можем выяснить, как выражение работает сейчас, и затем решить, подходит ли такая работа для наших целей. Прояснение существующего правила и предложение нового — разные действия. Подменяя первое вторым, легко говорить так, будто нужная договорённость уже принята. Внимательное чтение языка возвращает нам эту разницу: понимать употребление не значит автоматически одобрять его.

3. Языковая игра не означает несерьёзность

Даже указание на предмет не избавляет от контекста. В §§28–30 Витгенштейн рассматривает зависимость указательного объяснения от роли слова. Первичный текст. Продолжим своим примером: преподаватель показывает ученику кнопку на панели и произносит «пуск». Ученик может понять название детали, действие, которое она запускает, или разрешение нажать именно сейчас. Если прежнее обучение не определило задачу, жест остаётся многозначным. Добавление надписи помогает лишь при наличии навыка пользоваться надписями в таких обстоятельствах.

Это не аргумент против определений. Объяснение может быть совершенно достаточным для определённого слушателя и не подходить другому. Трудность начинается, когда достаточность понимают как способность существовать без любых обстоятельств применения. В нашем случае новому ученику понадобится показать последовательность действий, опытному коллеге хватит одного слова. Разница не обязательно указывает на более глубокое внутреннее понимание у второго. Он уже знаком с практикой, в которой краткое объяснение работает.

Поэтому проверка понимания иногда требует не повторного определения, а другого случая. Может ли ученик отличить запуск проверки от запуска устройства? Знает ли он, когда кнопку нажимать нельзя? Такая проверка не исчерпывает всей его мысли, но показывает существенную часть владения выражением. И наоборот, правильное повторение формулы ещё не устанавливает готовность действовать. Здесь различие между словарным ответом и применением становится видимым без догадки о скрытом содержимом чужой головы.

У Витгенштейна «языковая игра» подчёркивает связь речи с деятельностью; §23 перечисляет очень разные действия. Слово «игра» здесь не объявляет всё развлечением и не утверждает, что последствия высказываний воображаемы.

В нашем условном разговоре фраза «Ты можешь уйти» может быть разрешением, угрозой, советом или сообщением о физической возможности. Словарь поможет перевести отдельные слова, но ещё не установит происходящее действие. Значимы интонация, предшествующий разговор, отношения участников, возможность отказа и последующее поведение.

Это не даёт права угадывать чужое намерение по удобной версии. Наоборот, разнообразие употреблений увеличивает потребность в сведениях. Если контекст неизвестен, честный ответ иногда состоит в нескольких возможных чтениях. «Здесь это могло быть разрешением» точнее, чем «он точно хотел освободить вас».

Полезно также различать объяснение языковой игры и участие в ней. Наблюдатель может описать правила переговоров, не поддерживая условия сделки. Человек способен понимать угрозу и отвергать её. Понимание действия не равняется согласию с ним.

Между разными деятельностями возможен перенос слов. Мы говорим о «долге» в бухгалтерии и благодарности, об «ошибке» в вычислении и отношениях. Иногда перенос плодотворен. Иногда он создаёт ложное требование: будто благодарность должна быть погашена в точном эквиваленте или человеческое расхождение исправляется одним правильным ответом.

Языковая игра полезна как вопрос об устройстве действия: что считается ходом, ответом, ошибкой, завершением? Такой вопрос не уменьшает серьёзность ситуации. Он помогает увидеть, какие ожидания создаёт речь. В конфликте это может прояснить разницу между просьбой, требованием и оценкой, даже если стороны после прояснения продолжают расходиться.

4. Семейное сходство и поиск единственной сущности

В §§65–67 «Философских исследований» Витгенштейн предлагает смотреть на пересекающиеся сходства между играми, вместо того чтобы заранее требовать одного признака, общего всем. «Семейное сходство» обозначает такую сеть перекрытий. Этот ход не запрещает точные определения там, где они нужны.

Возьмём наш пример со словом «поддержка». Поддержать можно деньгами, вниманием, технической помощью, публичным выступлением, уважением к отказу. Эти действия похожи в некоторых отношениях, но не обязательно включают одну и ту же

последовательность. Если человек не даёт советов, это ещё не доказывает отсутствия поддержки. Если даёт много советов, это ещё не доказывает её наличия.

Но отсюда не следует, что «поддержкой» можно назвать что угодно. У нас остаются примеры, различия, цели и возможность обсуждать границы. В условной ситуации настойчивое вмешательство может быть представлено как поддержка, хотя адресат просит остановиться. Ссылка на размытость понятия не устраняет конкретный отказ.

Семейное сходство помогает не путать отсутствие единственного общего определения с отсутствием различений вообще. Мы можем узнавать множество случаев и всё же не иметь короткой формулы, которая заранее решит каждый новый. Иногда точность достигается через сравнение: этот поступок похож на поддержку по намерению, но отличается по уважению к границам и последствиям.

В рабочих ситуациях бывает нужен специально установленный критерий. Например, программа поддержки сотрудников должна ясно определять доступные услуги. Тогда организация вправе провести более жёсткую границу для определённой задачи. Важно лишь не выдавать такое определение за обнаруженную вечную сущность всей человеческой поддержки. Оно решает практический вопрос в выбранном контексте, а не отменяет остальные употребления слова.

5. Следовать правилу — больше, чем держать формулу в голове

Правило кажется надёжным, пока мы не спросим, что делает его применение правильным. Одной записи может быть недостаточно: требуется умение продолжать, исправлять ошибки и различать выполнение от видимости выполнения. Вокруг обсуждения Витгенштейном этих вопросов существуют конкурирующие интерпретации; Stanford Encyclopedia, §3.5 предупреждает, что скептическое прочтение нельзя без оговорки объявлять единственным.

Наш условный пример — инструкция «обрабатывать заявки по очереди». Один сотрудник понимает очередь как время поступления. Другой сначала выделяет срочные обращения. Третий группирует заявки одного клиента. Все могут искренне считать, что продолжают установленную практику. Запись не объясняет, какая именно практика подразумевалась.

Чтобы обсуждение продвинулось, нужны примеры обычных и пограничных случаев. Когда поступили две заявки одновременно? Что считать срочностью? Можно ли пропустить заявку с недостающими данными? Здесь правила становятся понятными

через применение и исправление, а не через бесконечное добавление объяснений к объяснениям.

Существует предел детализации. Если попытаться предусмотреть любую возможность, инструкция станет нечитаемой и всё равно потребует нового суждения. Но это не повод отказаться от правил. Это повод выяснить, какое обучение и какая процедура разрешения спорных случаев позволяют с ними работать.

Важно также, кто вправе объявлять ошибку. Сотрудник может действовать последовательно, но сталкиваться с начальником, который меняет критерий задним числом. Тогда проблема связана с властью и справедливостью практики, а не только с интерпретацией текста. Наш пример расширяет философский вопрос, не приписывая это расширение Витгенштейну. Прояснить следование правилу иногда означает обнаружить, что в данной организации нет устойчивого способа отличить правило от произвольного требования.

6. Приватный язык и право на личный опыт

Обсуждение приватного языка легко прочитать слишком быстро: будто человек не может знать собственную боль или будто истинным признаётся только то, что видят остальные. Такой вывод не следует из разбираемого вопроса. В академическом обзоре, §3.5 речь идёт о возможности различать правильное и неправильное применение знака, который должен обозначать исключительно доступное одному говорящему ощущение.

В нашем условном примере человек ведёт личный дневник. Никто его не читает. Это обычное приватное пользование общим языком: автор знает, как употребляются слова, может сравнивать записи, обнаруживать неточность. Секретность дневника сама по себе не создаёт философского приватного языка.

Другой мысленный случай устроен иначе. Человек вводит знак для ощущения, а единственным критерием правильности считает нынешнее впечатление, что знак применён верно. Возникает вопрос: что здесь позволило бы отличить ошибку от правильного узнавания? Наш пример поясняет проблему критерия; он не заменяет весь аргумент философа.

Для человеческого общения существенно не превратить эту проблему в недоверие к самоотчёту. Сообщение «мне больно» имеет своё место в жизни. Собеседнику не требуется получить то же ощущение, чтобы отнестись к сообщению серьёзно. Обсуждение значений не предоставляет ему права объявить чужой опыт выдуманным.

При этом серьёзное отношение и полное понимание различаются. Человек может признавать переживание другого, не знать его интенсивности и ошибаться в объяснении

причины. Внимательная речь сохраняет все три положения. Мы можем сказать: «Я слышу, что это для вас тяжело; пока не понимаю, что именно произошло». Такая фраза соединяет уважение и неизвестность без обещания прямого доступа к чужому внутреннему миру.

7. Что означает философское прояснение

Из общедоступности критериев не следует, что большинство всегда право. Рассмотрим наш мысленный пример: участники используют общую шкалу измерения и получают одинаковое число, но прибор оказался неисправен. Практика позволяет понять, что они утверждали; дальнейшая проверка показывает ошибку. Значение высказывания и его истинность различаются. Согласованные способы говорить создают возможность спора, а не заранее определяют победителя.

Так можно точнее сформулировать опасение перед вниманием к обычному языку. Если обычное употребление принимают за последнюю инстанцию истины, оно защищает привычку от проверки. Но описание того, что человек имеет в виду, ещё не одобряет сказанное. Можно полностью понять обвинение и отвергнуть его основания. Можно понять обещание и усомниться в его выполнимости. Ясность позволяет поставить такой вопрос точнее; она не подменяет ответ на него.

Есть и случаи, когда новое знание меняет существующий словарь. Предположим, исследователи обнаруживают различие двух явлений, которые раньше называли одним словом. Им понадобится новый термин или уточнение старого. Требование вернуться к прежнему употреблению было бы препятствием для исследования. Но введённый термин также нуждается в объяснении: какие случаи он отделяет, какую ошибку позволяет заметить и где пока неприменим. Особый язык становится полезным через эту работу, а не благодаря одной необычности названия.

В §133 «Философских исследований» Витгенштейн говорит о множестве методов, сопоставляя их с разными терапиями. Это описание работы с философскими затруднениями; оно не превращает текст в медицинскую или психологическую помощь. В статье мы используем слово «прояснение», чтобы сохранить различие задач.

Возьмём условный вопрос: «Я действительно свободен, если у каждого моего решения есть причина?» Иногда он требует серьёзного метафизического обсуждения. Но иногда в нём смешаны разные значения свободы: отсутствие принуждения, наличие вариантов, независимость от любых причин, возможность действовать по своему решению. Прежде чем доказывать ответ, полезно увидеть это смешение.

Если человек говорит «я несвободен» о невозможности отказаться от навязанного графика, исследование беспричинности воли может не ответить на его вопрос. Если же

его занимает именно отношение причинности и действия, описание трудового расписания не заменит философского аргумента. Верный масштаб определяется задачей, а не престижем более абстрактного вопроса.

Прояснение может изменить форму затруднения. Вместо «существует ли свобода вообще» появляется «какие условия сделали бы это решение моим». Вместо «возможно ли полное понимание» — «что я хочу, чтобы собеседник признал или смог пересказать». Это наши примеры движения вопроса, а не обязательная витгенштейновская процедура.

Иногда новый вопрос проще, иногда труднее. Он может выявить реальное расхождение целей, которое раньше прикрывалось общим словом. Участники могут одинаково понимать слово «справедливость» и всё же защищать несовместимые способы распределения ресурса. Успех языкового прояснения тогда состоит в более точном споре, а не в исчезновении спора.

8. Возражение: язык не решает всё

Сильное возражение против чрезмерного применения такого подхода очевидно: настоящие трудности могут быть материальными, политическими и телесными. Человеку не хватает средств, его лишили доступа, он сталкивается с опасностью. Выяснение употребления слова «проблема» не устраняет этих обстоятельств.

Представим условное собрание жильцов. Они спорят, кто обязан оплачивать ремонт. Один предлагает начать с понятия ответственности, другой предъявляет повреждённую трубу и расчёт. Оба действия могут быть нужны. Но бесконечное обсуждение слова станет уходом от решения, если данные и обязательства уже достаточно ясны.

Прояснение полезно ровно настолько, насколько обнаруживает значимое различие. Если после уточнения изменились критерий, предмет спора или доступная развилка, работа состоялась. Если участники только заменили одно отвлечённое выражение другим, полезность остаётся сомнительной.

Есть и риск давления обычным употреблением. «Так никто не говорит» может стать способом не слышать новый опыт или оправдать неудачную норму. Но язык позволяет вводить новые понятия, менять правила и описывать то, для чего прежде не находилось удобного слова. Рассмотреть существующее употребление не значит запретить изменение.

Поэтому наше практическое чтение включает критический вопрос: не служит ли прояснение защите нынешнего порядка? Если человек просит прекратить унизительное обращение, ему не обязательно сначала предложить идеальное определение унижения. Если данные показывают ошибку, нельзя отклонить их только потому, что они не

помещаются в привычный словарь. Внимание к языку должно поддерживать точность, а не становиться дополнительным препятствием для сообщения о происходящем.

9. Что это значит на практике

Наконец, следует отличать философский вопрос от вопроса, который только похож на него своей формой. «Что такое память?» может означать просьбу описать биологические механизмы, вопрос о достоверности воспоминания или затруднение: почему я называю нынешнее представление воспоминанием о прошлом? Первому нужны исследования, второму — сведения об определённом событии, третьему — прояснение того, как устроено понятие. Один общий ответ рискует удовлетворить ни одну из задач.

Мы не обязаны заранее выбирать единственный вид работы. Иногда задачи связаны: научное открытие заставляет пересмотреть привычное различение, а концептуальное уточнение помогает поставить проверяемый вопрос. Но связать их можно лишь после различения. Иначе результаты эксперимента предъявляют как ответ на смысл слова, а определение слова — как доказательство механизма. Внимательное чтение Витгенштейна даёт здесь повод проверить движение собственного вопроса: на каком шаге я перестал спрашивать о том, с чего начал?

Начать можно с одного слова, вокруг которого повторяется спор. Не со всех убеждений сразу и не с попытки объявить собеседнику, что он «запутался в языке». Такое обвинение уже создаёт новую проблему: один участник присваивает себе право определять смысл за другого.

Вместо этого в условной ситуации можно описать разные действия. «Когда я говорю “понять”, я хочу, чтобы мы согласовали, что произошло». Или: «Для меня сейчас понимание означает, что ты можешь пересказать, почему это важно». Эти формулировки не обязаны победить в споре. Они лишь делают собственный запрос различимым.

Затем можно проверить пример и контрпример. Как выглядело бы уважение в этом разговоре? Какое действие осталось бы уважительным, даже если собеседник не согласится? И какое согласие не будет уважительным, если оно получено под давлением? Такие вопросы помогают увидеть, не отождествили ли мы уважение с удобным для себя исходом.

Полезно отличить расхождение слов от расхождения интересов. Если стороны одинаково понимают срок «до пятницы», но одной нужен результат раньше, проблема не в значении даты. Если стороны согласны, что произошло, но оценивают допустимость поступка по-разному, повторное уточнение фактов может ничего не добавить.

Наконец, некоторые выражения уместно оставить открытыми. Человек вправе сказать, что пока не может точно назвать переживание. Это не делает его речь бессмысленной и не обязывает принимать первый предложенный ярлык. Прояснение может включать примеры, паузу, частичную формулировку или честное неизвестное. Его задача — сделать мысль доступнее, не требуя завершить её любой ценой.

10. После уточнения остаётся жизнь

Нужно также различать непонимание слова и трудность представить его применение. Человек может знать выражение «простить» и не видеть, что оно будет означать после определённого события: восстановление общения, отказ от мести, изменение оценки или что-то ещё. Требование найти словарное определение тогда не завершит работу. В нашем прочтении полезнее сравнить возможные действия и назвать, какие из них говорящий рассматривает. При этом философский пример не должен незаметно стать требованием простить. Уточнение понятия оставляет участнику право отвергнуть предложенное действие. Оно делает выбор различимым, а не выбирает за человека. Это ещё один случай, где ясность употребления и желательность результата нуждаются в разных основаниях.

Вернёмся к условному разговору о понимании. Теперь один участник может сказать: «Ты пересказал событие верно, но я хотел, чтобы ты признал его важность для меня». Другой способен ответить: «Важность я признаю, хотя твоё объяснение причины пока не разделяю». Согласие становится точнее, а несогласие получает конкретный предмет.

Такое завершение не выглядит философским триумфом. Возможно, разговор останется трудным. Возможно, участникам понадобится время или новое решение. Но выражение «ты не понимаешь» больше не обязано охватывать всю разницу между ними.

Витгенштейновское чтение учит вниманию к тому, какую работу выполняет вопрос. Иногда вопрос просит факт. Иногда — определение. Иногда — согласие, оправдание, признание или разрешение. Если эти действия слиты, один ответ должен выполнить невозможную задачу. Даже аккуратная теория тогда кажется безразличной, потому что отвечает на другой запрос.

Для нас отсюда следует скромная возможность: перед большим выводом заметить употребление ключевого слова и посмотреть на конкретные случаи. Это не универсальный способ решить любой конфликт. Иногда он показывает, что дальнейшее философствование уже ничего не добавляет и пора обсудить действие. Иногда, наоборот, помогает найти серьёзный философский вопрос, который заслуживает полноценного аргумента.

Слова могут затруднять понимание, но именно словами мы сообщаем различия и исправляем ошибки. Внимание к языку не уводит из мира в словарь. В лучшем случае оно возвращает к происходящему: кто что сказал, какой ответ ожидал, что стало ясно и что осталось нерешённым. После прояснения остаётся жизнь — уже немного точнее описанная, со своей ценой решений и правом участников не соглашаться.

Использованные источники

1. Ludwig Wittgenstein. Philosophische Untersuchungen, §§1–2, 11, 23, 28–30, 43, 65–67, 133. Немецкий первичный текст: разнообразие употреблений, указательное объяснение, ограниченная формулировка §43, семейное сходство, множественность методов. Ссылка ведёт на электронную публикацию; весь труд не заявляется прочитанным.

2. Anat Biletzki, Anat Matar. Ludwig Wittgenstein, Stanford Encyclopedia of Philosophy, §§3.3–3.7. Академический обзор, использованный для осторожного описания следования правилу, интерпретационных разногласий и приватного языка.